

ПРЕМЬЕРЫ СЕЗОНА

Трагедия Колымы

О КОЛЫМЕ Игнатий Дворецкий знал стюды не понаслышке. Первый вариант пьесы был написан больше четверти века назад. Новый вариант драматург написал буквально за год до своей смерти. На трагическую судьбу невинно осужденных, отбывавших бессрочный срок в лагере на Колыме, драматург взглянул глазами наших современников, артистов народного театра, репетирующих сегодня пьесу о Колыме. Думается, успел бы Дворецкий побывать на репетициях в театре, он многое пересмотрел бы в композиции пьесы (достаточно рыхлой), уточнил бы взаимоотношения артистов народного театра, довольно схематичных, с множеством дежурных реплик.

Рубен Агамирзян, поставивший «Колыму» в Театре имени В. Ф. Комиссаржевской, с чрезвычайно бережным отношением к тексту автора искусно соединил двухплоскостность пьесы, сосредоточив все внимание на трагедии Колымы.

Агамирзян поставил реквием по безвинно погибшим, именно реквием, если дозволено определять жанр драматического спектакля музыкальным термином.

Оформление Игоря Иванова очень точное. И дело даже не в лаконизме решения (лаконичность сценографии — явление нынче обычное), а в точности отбора деталей, знаков, характеризующих не только место, но и сущность действия. Портрет Ленина у секретаря крайкома, портреты Сталина и Берии в кабинете следователя Солодухи, очертания колымских сопок ненадежно обозначаются на заднике. Точно найдено и звуковое оформление, может быть, чуть-чуть с перебором количества блатных песен.

Очень тонко срежиссирован образ «помощника», роль, в которой превосходно дебютировал на сцене Театра имени В. Ф. Комиссаржевской Ефим Каменецкий. Это тихий, незаметный человек, деликатно помогающий режиссеру народного театра в постановке пьесы о Колыме. Как дает понять Агамирзян, это единственный человек в народном театре, как и Дворецкий, переживший драму Колымы. На столе, за которым допрашивали Алыпина, стоит лампа. Уже разошлись артисты. И вот помощник садится за стол и направляет свет лампы себе в лицо. Все ясно. Что он вспомнил, что пережил — досто-

точно сыграно, тонко найдено режиссером. Таких деталей в спектакле немало.

Обидно, когда актеры не воплощают режиссерского задания. Особенно это касается двух сцен генерала Рыбакова в исполнении И. Конопацко-го. Сцены неожиданного прилета специального самолета за генералом на Колыму и прощания с товарищами по лагерю и пощечины Солодухе, занимавшемуся рукоприкладством до этого... Драматичнейшая в пьесе, она потеряла свою эмоциональность на сцене из-за неискренности актерского исполнения. Половиначатое ощущение остается и в картине на фронте, где бывший солдат караульной службы Куангалев — В. Дегтярь встречает генерала, которого «охранял» на Колыме. Поведение генерала здесь никак не соответствует подлинности волнения солдата.

Хорошее актерское исполнение В. Дегтяря отнюдь не единственное в спектакле о Колыме. Здесь и остро сыграные эпизоды уголовников (В. Исаков и В. Летенков), и проникновенный лиризм Тамары

— С. Слижиковой.

Непревзойденный мудрец в области сценического искусства Владимир Иванович Немирович-Данченко подчеркивал разницу между хорошим, пусть даже отличным исполнением роли и созданием сценического образа. Создание сценического образа, говорил Немирович-Данченко, есть главная задача театрального искусства. Имеется в виду, что в спектакле вы знакомитесь с человеческим характером, многомерным, сложным, своеобразным, как в жизни.

В «Колыме», наряду с хорошо сыгранными ролями, в крепком, высокопрофессиональном актерском ансамбле есть два незаурядных образа, созданных Владимиром Особиком и Борисом Соколовым.

Начиная сцаря Федора, верилось в актерскую судьбу В. Особика. В «Колыме» он предстает не только во всеоружии профессионального мастера. С редким умением создает актер образ умного, нервного интеллигента.

Б. Соколов играет центральную роль Алыпина, крупного

партийного работника, масштаба Кирова или Орджоникидзе. Сцены в крайком принадлежат к высшим достижениям спектакля. Соколов заставляет верить в незаурядность Алыпина как человека и деятеля, в его благородство, преданность делу. Особенно проявляется это в подробно разработанных режиссером диалогах с работником НКВД Солодухой (М. Матвеевым) и прокурором (Р. Литвиновым). В образах, созданных В. Особиком и Б. Соколовым, оживают те прекрасные, светлые люди, которых без счета потеряло наше общество в страшный период сталинских репрессий. Необходимо отметить, что и Особик, и Соколов вместе с Камешкиным являются также лучшими исполнителями в сценах репетиций народного театра. Им удается преодолеть схематизм. Вместе с режиссером они находят наиболее тонкие переходы из одного временного плана в другой.

Сошлюсь еще раз на Немировича-Данченко. В последние годы своей долгой жизни он очень беспокоился об утере отечественным театром эмоционального воздействия. Немирович оказался, к сожалению, прав. Все меньше в театре плачут, все меньше смеются. А уж о потрясениях что и говорить! Так вот, спектакль «Колыма» в лучших своих сценах, не будем бояться этого слова, потрясает. Агамирзян не боится максималистских режиссерских решений и там, где, трактуя пьесу как публицистическую драму, применяет краски, которые в пору трагедий Шекспира. Режиссер заставляет Алыпина кататься по земле от отчаяния, когда арестовывают его любимую женщину. На фоне сдержанного исполнения этот эмоциональный пик актера выглядит убедительно. А в финале режиссер ставит на авансцене крест, возле которого артисты, как венки, складывают ватники, в которых они изображали своих героев. И опускаются на колени в память о безвинных жертвах. Трагический финал! А разве история «Колымы» — не трагедия? Трагедия, которая не может, не должна повториться!

Александр БЕЛИНСКИЙ,
лауреат Государственной
премии РСФСР

□

На снимке: сцена из
спектакля «Колыма».
Фото С. КОМПАНИЧЕНКО